

КВАЗИМОДО ЦЕРКВИ СПАСА НА СЕННОЙ

Труп на паперти

Было около десяти часов утра. Я в шлафроке сидел за кофе, как вдруг раздался звонок и в переднюю торопливо вошел любимый сторож-курьер Путилина.

— От Ивана Дмитриевича, спешное письмо! — подал он мне знакомый синий конвертик.

Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку:

«Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового, необычайного происшествия. Дело, кажется, не из обычных.

Твой Путилин».

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался на моей гневной лошадке к моему гениальному другу.

— Что такое? — ураганом ворвался я в кабинет Путилина.

Путилин был уже готов к отъезду.

— Едем. Некогда объяснять. Все распоряжения сделаны?

— Все, ваше превосходительство! — ответил дежурный агент.

— На Сенную! — отрывисто бросил Путилин кучеру.

Дорогой, правда недалекой, мой приятель не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Лишь только мы выехали на Сенную, мне бросилась в глаза огромная черная толпа, запрудившая всю площадь. Особенно была она многочисленна у церкви Спаса.

— К церкви! — отдал отрывистый приказ Путилин.

— Па-а-ди! Па-а-ди! — громко кричал кучер. Проехать сквозь эту живую стену, однако, было не так-то легко. Того и гляди, чтобы кого-нибудь не задавить.

Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь для нашей коляски.

— Осади назад! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадей прете? Расходитесь!

— Что случилось? — стояла передо мной загадка.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя тесный проход.

Путилин быстро прошел им и остановился около темной массы, лежащей почти у самых ступенек паперти.

Тут уже находилось несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

— Не задержал? — здороваясь с ними, проговорил Путилин.

— Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, взглянул, и неприятно жуткий холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, одетой чрезвычайно просто: в черном пальто, в черной, смоченной кровью косынке. Откуда шла кровь, понять сначала было мудрено. Меня поразили только ее руки и ноги: они были раскинуты в стороны.

— Следственный осмотр трупа уже произведен? — спросил я моего знакомого доктора.

— Поверхностный, конечно, коллега.

— И что вы обнаружили? — полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

— Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги переломлены. Картина такая, что девушка упала на мостовую с большой высоты.

Путилин поднял глаза вверх. Это был один момент.

— А разве вы не допускаете, доктор, что тут возможно не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? — задал вопрос судебный следователь.

Я вместе с моим приятелем-врачом производил осмотр трупа.

— Нет! — в один голос ответили мы. — Здесь, при этой обстановке, неудобно давать вам, господа, подробную мотивировку нашей экспертизы. Везите труп, мы еще раз осмотрим его подробно, произведем вскрытие, и тогда все вам будет ясно.

Толпа глухо шумела. Это был рев океана.

Народ все прибывал и прибывал. Несмотря на увещания полиции, нас страшно теснили.

В ту минуту, когда труп еще лежал на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста человек уродливого вида. Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразным шатром вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо. Один глаз был закрыт совершенно, другой представлял собой узкую щелку, сверкавшую нестерпимым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные, цепкие руки, одна нога — во-

лочающаяся, другая — короткая. Огромный горб подымался выше безобразной головы.

Это подобие человека внушало страх, ужас, отвращение.

— Куда лезешь? — окрикнул его полицейский.

— Ваши превосходительства, дозволейте взглянуть на упокойницу! — сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо тщедушной фигурке, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания. Никто, за исключением Путилина.

Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в лицо его, мягко спросил:

— Ты не знал ли покойной, почтенный?

— Нет... — быстро ответил урод.

— Так почему же ты интересуешься поглядеть жертву?

— Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью, и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

— На, смотри!

— О Господи!.. — с каким-то всхлипом вырвалось из груди уroda-горбуна.

Темно... Темно...

Мы долго с моим другом врачом возились над трупом.

Когда его раздевали, из-за пазухи простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и процентных бумаг.

— Ого! — вырвалось у судебного следователя. — Да у бедняжки целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось 49 700 рублей.

Путилин все время ходил нервно по комнате.

— Ну, господа, что вы можете сказать нам? Кто она? Что с ней?

— Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

— Но лицо-то ведь цело?

— Что же из этого? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие закипело.

Было установлено следующее: в семь часов утра (а по другим показаниям — в шесть) прохожие подбежали к стоявшему за углом полицейскому и взволнованно сказали ему:

— Что ж ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

— А что? — строго спросил тот.

— Да труп около паперти лежит!

Тот бросился и увидел исковерканную мертвую девушку.

Дали знать властям, Путилин — мне, а остальное вы знаете. Вот и все, что было добыто предварительным следствием. Не правда ли, много? Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их ясных, кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное, страшное дело.

Правда, один добровольно и случайно явившийся свидетель показал, что, проходя после поздней вечеринки по Сенной, он слышал женский крик, в котором звучал ужас.

— Но, — добавил он, — мало ли кто кричит жалобно в страшные, темные петербургские ночи? Я думал, так, какая-нибудь гуляющая ночная бабенка. Много ведь их тут по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие.

— А в котором часу это было?

— Да так, примерно в пять утра, а может, позже.

Весть о происшествии быстро облетела Петербург. Толпы народа целый день ходили осматривать место страшного случая.

Целая рать самых опытных, искусных агентов, «замешавшись» в толпе, зорко приглядывались к толпе и внимательно прислушивались к их открытым речам.

Устали мы за этот день анафемски! С девяти часов утра и до восьми вечера мы с моим другом были на ногах.

В девять часов мы сидели с Путилиным за ужином. Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он даже не притронулся к еде.

— Что ты думаешь об этом случае? — вдруг спросил он меня.

— А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

— Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких знаков насилия, борьбы?

— Никаких.

— Нужно тебе сказать, дружище, — задумчиво произнес Путилин, — что этот случай я считаю одним из самых выдающихся в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

— Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь с «за упокою», а кончаешь «за здравие!», — улыбнулся я.

— Так что ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

— Безусловно!

— Спасибо тебе. Это придает мне энергии.

Мой друг опять погрузился в раздумье.

— Темно... темно... — тихо бормотал он про себя. Он что-то начал чертить указательным пальцем по столу, а затем вдруг его лицо на еле уловимый миг осветилось довольной улыбкой.

— Кто знает, может быть... да, да, да...

Я знал привычку моего талантливого друга обмениваться мыслями с... самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

— Да, может быть... Попытаемся! — громко произнес он.

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

— Ты хочешь следить за всеми перипетиями моей борьбы с этим делом?

— Что за вопрос!

— Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом — ничему не удивляйся... Я, кажется, привезу тебе маленький узелок...

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, который испытывают люди измученные, утомленные.

Сколько времени я спал, не знаю.

Меня разбудил громкий голос лакея и голос Путилина.

— Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мною стоял рваный «золоторотец». Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Кругом шеи обмотан грязный гарусный шарф. Дико всклокоченные волосы космами спускались на сине-багровое лицо, все в синяках.

Я догадался, что передо мной — мой гениальный друг.

— Ступай! — отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

— Постой, постой, — улыбаясь, начал Путилин, — ты не одевайся в свое платье, а вот не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез тебе в этом узле.

И передо мною появились какие-то грязные отребья, вроде тех, которые были на Путилине.

— Что это?..

— А теперь садись! — кратко изрек Путилин. — Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы едем...

Среди нищей братии

Бум! Бум! Б-у-ум! — глухо раздавался в раннем утреннем промозглом воздухе звон большого колокола Спаса на Сенной.

Это звонили к ранней обедне.

В то время ранняя обедня начиналась чуть ли не тогда, когда кричали вторые петухи.

Сквозь неясный, еле колеблющийся просвет раннего утра можно было с трудом разобрать очертания черных фигур, направляющихся к паперти церкви.

То были нищие и богомольцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили сенновские нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более храбрый, нахальный и сильный, не перехватил «теплого» уголка.

— О, Господи! — тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и старцев-богомольцев, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я подошли к паперти, перейдя ее, и вошли в «сени» церкви, нас обступила озлобленная рать нищих.

— Это еще что за молодчики появились? — раздалась негодующие голоса.

— Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? — наступала на Путилина отвратительная старая мегера.

— А ты что же, откупила все места, ведьма? — сильным голосом дал отпор Путилин. Теперь взбеленились все.

— А ты, думаешь, даром мы тут стоим? А? Да мы себе каждый местечко покупаем, ирод рваный!..

— Что с ними разговаривать долго! Взашей их, братцы!

— Выгалкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, колыхалось порывистыми движениями.

Его длинные цепкие руки-щупальца готовы были, казалось, схватить нас и задавить в своих отвратительных объятиях.

Его единственный глаз, налившись кровью, сверкал огнем бешенства.

Я не мог удержать дрожи отвращения.

— Вон! Вон отсюда! — злобно рычал он, наступая на нас.

— Что вы, безобразники, в храме Божиим шум да свару поднимаете? — говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

— Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!.. — начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. — Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать? Натe, держите!

Картина вмиг изменилась.

— Давно бы так... — проворчала старая мегера.

— А кому деньги-то отдать? — спросил Путилин.

— Горбуну Евсеичу! Он у нас старшой. Он староста.

Безобразная лапа чудовища-горбуна уже протянулась к Путилину.

Улыбка бесконечной алчности зазмеилась на его страшном лице.

— За себя и за товарища? Только помните: две недели третью часть выручки нам — на дележ. А то все равно — сживем!..

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими и лишенками о вчерашнем трагическом случае перед папертью Спаса.

— Как вы, почтенный, насчет сего думаете? — с глупым лицом обращался он несколько раз к горбуну.

— Отстань, обормот!.. Надоел! — злобно сверкал тот глазом-шелкой.

— У-у, богатый черт, полагать надо! — тихо шептал Путилин на ухо соседу-нищему.

— Да нас с тобой, брат, купит тысячу раз и перекупит! — ухмылялся тот. — А только бабник, да и здорово заливает!..

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

— Мы пойдем за горбуном... — еле слышно бросил мне мой знаменитый друг.

Горбун шел скоро, волоча по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, не выпуская его ни на секунду из виду.

Раз он свернул налево, потом направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, чудеса которой приводили в содрогание людей с самыми крепкими нервами.

Это был расцвет славы Вяземки — притона всей столичной сволочи, обрушивающейся на петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки — все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка здесь находились и ночлежки — общежития для сего почтенного общества негодяев и мегер, и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую цену «аристократам» столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы увидели, как страшный горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной человеческими экскрементами, вошел на черную «галдарейку» грязного, ветхого надворного флигеля и скрылся, отперев огромный замок за дверью какого-то логовища.

— Ну, теперь мы можем ехать! — задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери, скрывшей чудовище-горбуна.

— Ты что-нибудь наметил? — спросил я его.

— Темно... темно... — как и вчера ночью, ответил он.

Мать жертвы

В сыскном Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы вошли, предварительно переодевшись, в кабинет, как дверь распахнулась и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала небольшого роста худоцавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мещанки или бедные, но «бла-а-а-родные» чиновницы-«цикорки»: в подобие какой-то черной поношенной шляпы, прикрытой черной косынкой, в длинном черном дипломате.

Лишь только она вошла, как сейчас же заплакала, вернее заголосила.

— Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

— Что такое? Кто эта женщина? — спросил Путилин агента.

— Мать вчерашней девушки, найденной пред церковью Спаса... — доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

— Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... — пригласил Путилин.

— Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь — единственная. Леночка моя ненагля-я-я-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее. Она — вдова скромного канцелярского служащего, умершего «от запоя». После смерти кормильца — в доме наступила страшная нужда.

Она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала даже покойников, словом, делала все усилия, чтобы «держаться на линии» со своей Леночкой.

— А она-с — красавица у меня была! Характеру Леночка была гордого, замечательного, можно сказать. И-и! Никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет, бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» — «Да откуда, — говоришь ей, — богатство-то к нам слетит, Леночка?» А она только бровью соболиной поведет. «Так, — говорит, — верю я в счастье мое...»

Сильные рыдания потрясли вдову-«чиновницу».

— А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!..

— Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

— Да не особенно... Когда работу относить надо было...

— Когда последний раз до катастрофы ушла из дому ваша дочь?

— Часов около семи вечера. Жду ее, жду — нет. Уж и ночь настала. Тоскует сердце. Ну, думаю, может к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан — и утро! А тут вдруг услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала. Взглянула — и с ног долой. Моя Леночка ненаглядная...

— Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены 49700 рублей?

На вдову нашел столбняк.

— К... как? Сколько? — обезумела она.

Путилин повторил.

— А... где ж деньги? — загорелись глаза у «цикорки».

— У нас, конечно, сударыня.

— А вы... куда же их денете? Я ведь мать ее, я — наследница.

Мы невольно улыбнулись.

— Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете... — ответил Путилин. — А вот лучше вы скажите: откуда, по вашему мнению, у вашей дочери могла взяться такая сумма?

Вдова захныкала.

— А я почему знаю, господин начальник?

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику. От нее надо было отобрать подробные сведения обо всех знакомых вдовы, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу. Соответственно с этим целая рать агентов должна была быть направлена по горячим следам.

Но я ясно видел, что Путилин распоряжался как бы нехотя, словно сам не доверял целесообразности тех мер розыска, которые предпринимал.

Я хорошо изучил моего гениального друга. Я чувствовал, что делает он все это больше для пустой формальности, для очистки совести.

— Позовите мне Х.! — отдал он приказ. Х. был любимый агент Путилина. Силач, бесстрашный, находчивый.

— Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем. Затем он обратился ко мне.

— Поезжай, друже, домой и ожидай меня ровно в восемь часов вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти лакея.

В логове зверя

Стрелка часов показывала ровно восемь часов, когда я услышал звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился, удивленный: первой вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса готов был сорваться с моих уст, как вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за девушкой.

— Не бойся, дружище, это — не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

— Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную штучку! — вырвалось у меня. — Но, боже мой, какой великолепный маскарад! Совсем она!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, но в обыкновенной, сильно поношенной и продранной триковой «тройке».

— А мне в чем ехать? — спросил я.

— Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

— Все?

— Все, Иван Дмитриевич.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел массой нестройных голосов.

Если ужасы Вяземки днем были отвратительны, то неопи-суемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Все то, что днем было собрано, наворовано, награблено, — все вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте.

Тут казалось, что Бог совершенно отступался от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти Сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

— Барынька, вы останьтесь здесь с Х. Мы с доктором войдем сюда и, наверное, скоро вернемся.

Мы вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура странного горбуна.

Он сидел на стуле, низко свесив свои страшные, длинные ноги. Получилось такое впечатление, будто за столом сидит только огромный горб и огромная голова.

Лицо горбуна было ужасно. Сине-багровое, налившееся кровью, оно было искажено пьяно-сладострастной улыбкой.

На коленях его, если можно только эти искривленные обрубки назвать коленями, сидела пьяная девочка лет пятнадцати.

Она, помахивая стаканом водки, что-то кричала тоненьким, сиплым голоском, но что она кричала, за общим гвалтом разобрать было невозможно.

— Горбун! Дьявол! — доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Кто-то где-то хохотал животным хохотом, кто-то плакал пьяным плачем.

— Назад! — шепнул мне Путилин.

Мы быстро, не обратив на себя ничего внимания, выскочили из этого смрадного вертепа.

Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда? Какой гениальный шаг рассчитывает сделать мой друг?

— Скорее! — отдал приказ Путилин агенту и агентше, поджидавшим нас.